
БОРИС АКУНИН

**ИСТОРИЯ
РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВА**

ОТ ИСТОКОВ ДО МОНГОЛЬСКОГО
НАШЕСТВИЯ

ЧАСТЬ ЕВРОПЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
А 44

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Проект «История Российского государства» издается с 2013 года
Разработка макета — Андрей Фerez, обложка — Александр Шпаков
Иллюстрации — Игорь Сакуров, карты — Максим Руданов
В оформлении использованы иллюстрации, предоставленные агентствами Fotobank, Shutterstock,
а также из архива автора и свободных источников

Рецензенты:

Константин Аверьянов, д-р исторических наук,
руководитель Группы исторической географии Института Российской истории РАН
Людмила Морозова, д-р исторических наук,
ведущий научный сотрудник Института Российской истории РАН

Акунин, Борис.

А 44 Часть Европы. История Российского государства. От истоков
до монгольского нашествия / Борис Акунин. — Москва: Издательство АСТ,
2018. — 400 с.: ил. — (История Российского государства).

ISBN 978-5-17-080480-1

«Страна, которую мы называем Древней Русью, так сильно отличалась от России послемонгольской эпохи, что через толщу минувших столетий кажется нам какой-то сгинувшей, легендарной Атлантидой... Был ли на самом деле Рюрик? Приглашали ли славяне варягов? Прибывал ли Олег щит на врата Цареграда?» Борис Акунин адресует свою историю отечества широкой читательской аудитории: людям, которым интересно узнать (или вместе с автором увлеченно вычислить), как было на самом деле. И попытаться понять, что в нашем тысячелетнем государстве так и что не так (и почему).

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-17-080480-1

© В. Акунин, 2013
© ООО «Издательство АСТ»

От автора

Прежде чем вы решите, имеет ли вам смысл читать это сочинение, должен предупредить о его особенностях.

Их три.

Я ПИШУ ДЛЯ ЛЮДЕЙ, ПЛОХО ЗНАЮЩИХ РОССИЙСКУЮ ИСТОРИЮ И ЖЕЛАЮЩИХ В НЕЙ РАЗОБРАТЬСЯ.

Я и сам такой же. Всю жизнь я интересовался историей, получил историческое образование, написал несколько десятков исторических романов и тем не менее однажды осознал, что мои знания состоят из отдельных фрагментов, плохо складывающихся в общую картину. У меня не было ясного представления о том, как и почему Россия получилась именно такой. И я понял: чтобы ответить на столь краткий вопрос, придется сначала прочитать десятки тысяч страниц, а потом несколько тысяч страниц написать.

Я НЕ ВЫСТРАИВАЮ НИКАКОЙ КОНЦЕПЦИИ. У меня ее нет. Всякий историк, создающий собственную теорию, не может совладать с искушением выпятить удобные для него факты и замолчать либо подвергнуть сомнению всё, что в его логику не вписывается. У меня такого соблазна нет.

Кроме того, я решительный противник идеологизированной истории. И самовосхвалительная, и самоуничижительная линии, обильно представленные в трудах отечественных историков, мне одинаково неинтересны. Я хочу узнать (или вычислить), как было на самом деле. У меня нет заранее сложившегося мнения. Есть вопросы и есть желание найти на них ответы.

ЭТО ИСТОРИЯ НЕ СТРАНЫ, А ИМЕННО ГОСУДАРСТВА, то есть политическая история: государственного строительства, механизмов управления, взаимоотношения народа и власти, общественной эволюции. Культуры, религии, экономики я касаюсь лишь в той мере, в какой они связаны с политикой.

Россия — это прежде всего государство. Оно не тождественно стране, а в отдельные моменты истории бывало ей даже враждебно, но именно состояние государства неизменно определяло вектор эволюции (или деградации) всех сфер российской жизни. Государство — причина и российских бед, и российских побед.

Попытка понять, что в нашем тысячелетнем государстве так и что не так (и почему) — вот для чего в конечном итоге затеяна эта работа.

Предисловие к первому тому

Истоки всякой национальной истории, если она длится много веков, напоминают предрассветные сумерки. Сначала из тьмы доносятся какие-то невнятные шумы, проступают призрачные силуэты, угадываются малопонятные шевеления. И лишь со временем, очень медленно, события и человеческие фигуры обретают четкость. Дошедшие до потомков сведения смутны, отрывочны и часто противоречивы или просто неправдоподобны.

Из-за этого у многих историков возникает искушение прибавить рассказу о древних временах стройности и логичности, «дообъяснить» случившееся, причем гипотезам и догадкам придается вид установленного факта. Был такой соблазн и у меня, но я старался его преодолеть. Вот почему в этом томе сплошь и рядом встречаются обороты «по всей видимости», «вероятно», «предположительно» — в знак того, что данные сведения являются реконструкцией. К сочинениям по истории Древней Руси, где авторы уверенно оперируют датами, фактами, цифрами и именами, следует относиться с осторожностью.

После изучения весьма немногочисленных источников и весьма многочисленных толкований этих источников у меня возникло убеждение, что никто из историков в точности не знает, когда, кем и при каких обстоятельствах было создано и построено первое русское государство. Учебники часто приводят сомнительную датировку событий, да и сами события при ближайшем рассмотрении иногда оказываются пересказом мифов. Многочисленные несуразности «канонической» историографии, начавшей складываться еще в восемнадцатом веке, побудили некоторых исследователей к другой крайности — отрицанию традиционной хронологии и выдвиганию разнообразных гипотез, переворачивающих всю историю вверх дном. Чем темпераментней автор, тем революционней выглядит его версия.

Предлагаемый вашему вниманию текст совершенно неревolutionен и нетемпераментен. Главным методом является пресловутая «брита Оккама»: всё лишнее (и недостоверное) отсекается; остаются лишь факты, считающиеся у большинства историков проверенными

или, по крайней мере, наиболее вероятными. Если остаются сомнения, это обязательно оговаривается.

Страна, которую мы называем Древней Русью, так сильно отличалась от России послемонгольской эпохи, что через толщу минувших столетий кажется нам какой-то сгинувшей, легендарной Атлантидой. Поэтому я счел целесообразным в качестве дополнения присовокупить к изложению политической истории сугубо бытоописательную главу «Жизнь в Древней Руси». Летописи зарегистрировали лишь события памятные, то есть экстраординарные, выбивающиеся из нормального течения жизни. Если ограничиться пересказом хроник, может сложиться ощущение, что вся ранняя история состояла из войн, эпидемий, неурожаев, смены правителей да возведения больших церквей и крепостей. Вставная часть, хоть она выбивается из общей линии повествования и выходит за рамки поставленной заглавной задачи, даст читателю некоторое представление о том, как и чем жили древнерусские люди.

Особенность историографии киевского периода состоит в том, что источников информации — во всяком случае, письменных — очень мало. Основополагающий, собственно, только один: «Повесть временных лет», летопись, которая сохранилась не в первоизданном виде, а в двух разных вариантах более позднего времени. Совпадающие фрагменты этих двух вариантов и считаются протографом, то есть оригинальным текстом. Но и он, судя по всему, переписывался и менялся под воздействием политической конъюнктуры. События девятого и десятого веков летописец излагает очень приблизительно, а местами явно ошибочно, вставляя легенды и сказания, очевидно, почерпнутые из фольклора. Есть и большие пропуски. Только с одиннадцатого века повествование превращается из свода преданий и благочестивых притч в собственно историческую хронику, а датировка становится уверенной, часто с приведением не только года, но и числа. Однако при описании недавних происшествий автор небеспристрастен, излагая «киевскую» трактовку политических коллизий и явно льстя Владимиру Мономаху (возможно, инициатору или даже заказчику дошедшей до нас редакции), что вынуждает относиться ко многим утверждениям и описаниям с определенным скепсисом. Альтернативные хроники, в том числе региональные (новгородские, галицко-волынские), появляются лишь в конце описываемого периода и не могут существенно дополнить картину.

Кроме скудного летописного наследия историки, занимающиеся изучением Древней Руси, располагают кодексом законов XI века, известным

под названием «Русская Правда», но он тоже сохранился лишь в поздних, измененных вариантах и к тому же не содержит рассказа о событиях. Некоторые дополнительные сведения встречаются в иностранных хрониках, византийских и западноевропейских, но они часто искажены либо откровенно предвзяты и весьма фрагментарны — очевидно, жизнь далекой страны не слишком занимала зарубежных летописцев. Несомненный интерес Русь представляла для варягов, которые на протяжении трех с лишним веков приплывали в восточнославянские края наниматься на службу, торговать или грабить, поэтому множество любопытных сведений сохранилось в скандинавских сагах, однако в качестве достоверного источника эти сказки, конечно, использовать нельзя.

Наконец, есть записки путешественников, побывавших на Руси. Эти свидетельства иногда помогают уточнить или перепроверить какие-то факты, но чужеземцы плохо разбираются в русских реалиях, перевирают имена, а подчас пишут явные небылицы.

Кое-какие сведения о политической истории можно почерпнуть из археологических находок, хотя подчас они не столько дают ответы, сколько вызывают новые вопросы.

Вот, собственно, вся база знаний, с которой приходится работать историкам. Поэтому неудивительно, что так называемая «официальная история» Древней Руси в значительной степени является консенсусной (то есть признаваемой большинством) реконструкцией того, что скорее всего происходило. А по многим проблемам консенсуса и вовсе не существует.

Был ли на самом деле Рюрик? Приглашали ли славяне варягов? Кто вообще такие — «варяги-русь»? Прибивал ли Олег щит на врата Царьграда? На все эти и множество других вопросов у истории категоричного ответа нет — лишь предположения.

В моем сочинении ответов на спорные вопросы вы тоже не найдете. Я не ставил перед собой такой задачи, а руководствовался принципом Д.И.Иловайского, который еще в позапрошлом веке писал: «От писателя, предпринимającego обзорение целой истории какого-либо народа, несправедливо было бы требовать точных самостоятельных исследований по всем вопросам второстепенной или третьестепенной важности, которые он встречает при последовательном движении своего труда. Но он не вправе уклониться от решения вопросов первостепенной важности».

Приступая к работе над «Историей Российского государства», я решил, что буду считать вопросами первостепенной важности следующие:

— Как, когда и, главное, почему возникло первое русское государство?

— Какие события и факторы определили природу и форму этого государства?

— Можно ли считать первое русское государство прямым предком нынешнего российского государства?

Данный том пытается дать ответ на первый из этих вопросов и начинает отвечать на второй, для рассмотрения которого понадобится более широкая историческая перспектива.

Третий вопрос дискуссионен. Существует хорошо аргументированная точка зрения, согласно которой вести отсчет истории российского государства следует с послемонгольского периода, когда политическим центром страны становится Москва.

Я же согласен с теми историками (их большинство), кто полагает, что, несмотря на утрату независимости в тринадцатом-пятнадцатом веках, перекройку границ, неоднократную смену названий, внутренней структуры, векторов развития, перенос столиц, наше государство как политический феномен существует с IX века, а зигзаги и метаморфозы определяются географическим положением, в силу которого Русь-Россия оказывалась частью то европейского мира, то азиатского, а со временем приступила к созданию собственной империи метисного европейско-азиатского типа.

Первый том получил название «Часть Европы», потому что в этот период русское государство в культурном и политическом смысле целиком принадлежало к европейской эйкумене. Второй том будет называться «Часть Азии».

ПРЕД-ИСТОРИЯ

Начальные параметры

Что брать за точку отсчета?

История появилась очень поздно, на самом последнем, можно сказать, новейшем отрезке развития человечества; в наиболее изученных регионах Земли — максимум пять тысяч лет назад. Если представить время существования *Homo sapiens* с момента обособления этого биологического вида как одни сутки, то получится, что самая древняя династия фараонов начала править Египтом около половины двенадцатого вечера, греки осаждали Трои за двадцать две минуты до полуночи, римская сверхдержава возникла четверть часа назад, а Россия как государство появилась в 23 часа 51 минуту с секундами, то есть существует меньше девяти минут.

Откуда такая точность применительно к России, спросите вы. От конкретности формулировки: *как государство*.

Василий Ключевский, лучший (присоединюсь здесь к мнению большинства) биограф нашей страны, задается очень непростым вопросом — с какой точки следует отсчитывать историю того или иного народа. И отвечает: «Первое, что запомнил о себе народ, и должно указывать путь к началу его истории». Передо мной стоит задача более простая — составление истории не русского народа (народ запоминает своё начало не явственней, чем человек момент своего рождения), а российского государства. Момент рождения нашего государства известен с точностью до года. Хоть корректность датировки и оспаривается, но в весьма незначительных пределах — на одно-два десятилетия. В масштабе наших «суток» это несколько секунд.

В Восточной Европе, в том числе на территории нашей страны, почти наверняка возникали какие-то государственные или протогосудар-

ЧАСТЬ ЕВРОПЫ

ственные объединения задолго до того, как люди изобрели письменность. Зарождались и исчезали целые цивилизации, существование которых подтверждается материальными доказательствами. Например, была обширная мегалитическая культура, монументальные каменные сооружения которой сохранились во многих областях Евразии. Но что за племена оставили стоунхенджский кромлех или кавказские и корейские дольмены, человечество начисто забыло.

Многие государства, существующие в современном мире, даже самые древние, уверенно называют год (а часто и день) своего рождения. Другое дело, что событие это нередко легендарно, а дата условна. Скажем, Япония возводит свою историю к восшествию на престол основателя правящей династии, императора Дзимму, 11 февраля 660 года до нашей эры, и здесь неприкрыто мифологичны как само происшествие, так и дата.

Россия ведет отсчет с события вроде бы вполне реального — приглашения норманнского князя Рюрика новгородцами в 862 году. В нача-

Памятник «Тысячелетие России». Скульпторы М. Микешин, И. Шредер, архитектор В. Гартман.

НАЧАЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ

ле царствования Александра II «тысячелетие Руси» было отпраздновано с высокой торжественностью, усугубленной модой на всё славянское, однако историки уже тогда очень хорошо сознавали, что эти исходные координаты зыбки.

Во-первых, нет уверенности, что Рюрик действительно существовал.

Во-вторых, если существовал и прибыл, то, может быть, его никто не приглашал.

В-третьих, не очень понятно, был ли пришелец норманном.

В-четвертых, скорее всего, летописец что-то напутал с годом.

За полтора века, прошедшие после юбилея, сомнений у историков стало еще больше. И всё же мало кто оспаривает главный факт: государство, в котором мы с вами живем, зародилось во второй половине IX века, и место его рождения — новгородская земля. Именно там и именно в это время возник волевой импульс, который привел в движение российскую историю. Забил ключ, потек ручеек, потом зазмеилась речка, вбирая в себя воду разнообразных притоков. По этой реке мы доплыли до сегодняшнего дня.

Метафора реки здесь неслучайна. О значении Реки в российской истории разговор впереди.

Человек и природа

В прежние времена жизнь людей целиком зависела от природных условий. Евразийская цивилизация, частью которой мы являемся, самым своим возникновением обязана окончанию последнего ледникового периода. Это случилось одиннадцать-двенадцать тысячелетий назад. По нашему «суточному хронометру» с тех пор прошел всего час с хвостиком.

Восточная половина европейского континента, которой суждено было стать изначальной территорией российского государства, заселялась людьми от юга к северу, постепенно, вслед за отступлением великого скандинавско-финляндского ледника. Что за племена обитали на этих просторах в глухую доисторическую эпоху, никто не ведает. Приход русославян (об этом несколько туманном термине — позже) на восточноевропейскую равнину, по всей вероятности, тоже отчасти был вызван климатическими изменениями, хоть и менее грандиозными.

Дело в том, что помимо ледниковых периодов, растягивающихся на долгие тысячелетия, историческая климатология выделяет еще и «короткие» фазы потеплений и похолоданий, обычно продолжающи-

ЧАСТЬ ЕВРОПЫ

еся несколько веков. Они-то и сыграли важную роль в «получасовой» истории российской цивилизации.

Сейчас много говорят и пишут о «глобальном потеплении», но, откровенно говоря, у обычных людей эта проблема особенного беспокойства не вызывает. Ну, подешевеют энергоносители; дороже будет обходиться система экозащиты; придется построить дамбы, чтобы уберечь береговые районы от поднявшегося уровня мирового океана, — и так далее. Всё это проблемы трудные, но решаемые.

Для наших предков, живших ста или даже пятьюдесятью поколениями ранее, подобные изменения климата становились вопросом жизни и смерти.

Существует весьма правдоподобная гипотеза, согласно которой расширение и расцвет Рима были бы невозможны без «Римского теплого периода» (250 до н.э. — 400 н.э.), когда, судя по археологическим находкам, даже в Британии выращивали виноград и делали вино. Римляне оставили свои дальние провинции еще и потому, что там стало слишком холодно и голодно зимой.

Последнее по времени европейское похолодание случилось в XVI–XVIII веках. По пейзажам и жанровым картинам художников того времени видно, какой снежной и ледяной была зима в регионах Западной Европы, где сейчас даже коротенький снегопад и гололед считаются чуть ли не национальным бедствием.

Эпоха, во время которой русославяне заселили территорию будущей России, медленно двигаясь с юга, у историков климата известна как «Средневековый теплый период». Он начался, по-видимому, во второй половине или в конце восьмого века и продолжался до конца тринадцатого, причем в северном полушарии потепление было весьма значительным.

▶ Хрестоматийный пример климатического мини-апокалипсиса — история норманнской Гренландии. Когда викинга Эрика Рыжего в наказание за буйный нрав приговорили к трехлетнему изгнанию из Исландии и он открыл на северо-западе большую землю, она была зеленой и пригодной для обитания. Через четыре года Эрик вернулся сюда на 14 ладьях с 350 переселенцами, основал колонию. Связь с далекой Европой поначалу поддерживалась, но потом оборвалась. Гренландцы существовали сами по себе.

На южном краю ныне сплошь ледяного острова тогда были пастбища для скота, росли деревья; вплоть до семидесятой параллели сеяли ячмень. В период расцвета население норманнской Гренландии достигало 5000 человек. По берегам фьордов стояли прочные дома с оконными стеклами (большая роскошь для средневековья), были церкви, мужской и женский монастыри. Гренландцы совершали

НАЧАЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ

дальние морские плавания. Они были первыми европейцами, высадившимися на Американском континенте — за пятьсот лет до Колумба.

Но средневековый холодный цикл, ударивший прежде всего по странам дальнего севера, катастрофически изменил климат. Исландия, расположенная несколько южнее, еще кое-как уцелела, хотя из хроник известно, что в голодные зимы местным жителям приходилось сбрасывать со скал лишних едоков. Гренландия же стала вовсе непригодной для жизни. Изотопный анализ человеческих останков показывает, как от поколения к поколению менялась диета тамошних обитателей — они почти полностью переориентировались на морепродукты. По скелетам видно, как люди постепенно дистрофировались. Исчезли хлевы для скота, а комнаты стали крошечными — очевидно, коров и овец держали дома, чтобы хоть как-то согреться (дрова взять было уже негде, все деревья погибли). В конце концов гренландцы скандинавского происхождения вымерли до последнего человека. Их некогда цветущий край опустел.

В V–VII веках русославяне жили гораздо южнее России. С места их сгнали события военно-политические, но направление движения — на северо-восток — было подсказано изменением природно-климатических условий, в результате которого земля, прежде не приспособленная для выживания большого народа, стала более гостеприимной. Так что наше государство в известном смысле — продукт климатических колебаний.

Не только климат, но и земля, на которой расселились пришлые славяне, в те далекие времена была не такой, как в наши дни.

Во всю ширь евразийского материка, на двенадцать тысяч километров, от Атлантики до Тихого океана, тянулся Великий Лес. Лесов, похожих на тогдашние, в Европе не осталось почти совсем, разве что кое-где в Архангельской, Вологодской и Кировской областях; некоторое представление о Пралесе может дать, пожалуй, нынешняя сибирская тайга, более или менее сохранившаяся его часть. Реки, которые текли через Великий Лес, были шире и полноводней, озера глубже, болота непроходимей — после отступления великих льдов почвы оттаивали и просыхали очень медленно.

Южнее Великого Леса начиналась Великая Степь, где осела часть славянских племен, в том числе самое исторически известное, центральное — оно называлось «поляне», то есть «живущие в полях». Киев, будущая столица государства, находился как раз на границе Леса и Степи.

Жизнь в полях была сытнее из-за превосходного чернозема, но и защищенной, а лесные обитатели, невзирая на скудость существования,